

А.Н. Афанасьев

Народные русские сказки

Выпуск 7

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А94

А94 **Афанасьев А.Н.**
Народные русские сказки: Выпуск 7 / А.Н. Афанасьев – М.: Книга по Требо-
ванию, 2013. – 342 с.

ISBN 978-5-518-10301-6

ISBN 978-5-518-10301-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

входить въ ея горницу, а царевичъ ужь давно обратился пѣрушкомъ и лежитъ въ коробочкѣ. «Ахъ вы, негодныя! накинулся отецъ на своихъ большихъ дочерей; что вы на нее понапрасну взводите? Лучше бы за собой присматривали!» На другой день сестры поднялись на хитрости; вечеромъ, когда на дворѣ совсѣмъ стемнѣло, подставили лѣстницу, набрали острыхъ ножей да иглокъ и натыкали на окнѣ красной дѣвицы. Ночью прилетѣлъ Финистъ-ясный соколъ, бился-бился — не могъ попасть въ горницу, только крылушки себѣ обрѣзалъ. «Прощай, красна дѣвица! сказалъ онъ; если вздумаешь искать меня, то ищи за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ. Прежде три пары башмаковъ желѣзныхъ истопчешь, три посоха чугунныхъ изломаешь, три просвиры каменныхъ изгложешь, чѣмъ найдешь меня добра молодца!» А дѣвица спитъ себѣ; хотъ и слышитъ сквозь сонъ эти рѣчи непривѣтливныя, а встать-пробудиться не можетъ. Утромъ просыпается, смотритъ — на окнѣ ножи да иглы натыканы, а съ нихъ кровь такъ и капаетъ. Всплеснула руками: «ахъ, Боже мой! знать сестрицы сгубили моего друга млаго!» Въ тотъ-же часъ собралась и ушла изъ дому. Побѣжала въ кузницу, сковала себѣ три пары башмаковъ желѣзныхъ да три посоха чугунныхъ, запаслась тремя каменными просвирами, и пустилась въ дорогу искать Финиста-ясна сокола.

Шла-шла, пару башмаковъ истоптала, чугунной посохъ изломала и каменную просвиру изглодала; приходитъ къ избушкѣ и стучится: «хозяинъ съ хозяйшкой! укройте отъ темныя ночи.» Отвѣчаетъ старушка: «милости просимъ, красная дѣвица! куда идешь, голубушка?» — Ахъ, бабушка! ищу Финиста-ясна сокола. «Ну, красна дѣвица, далеко-жъ тебѣ искать будетъ?» На утро говоритъ старуха: «ступай теперь къ моей средней сестрѣ, она тебя добру научитъ; а вотъ тебѣ мой подарокъ: серебряное донце, золотое веретѣнце; станешь ку-

дель прѣсть—золотая нитка потянется.» Потомъ взяла клубочикъ, покатила по дорогѣ и наказала вслѣдъ за нимъ идти, куда клубочикъ покатится, туда и путь держи! Дѣвица поблагодарила старуху и пошла за клубочкомъ. Долго ли, коротко ли, другая пара башмаковъ изношена, другой посохъ изломанъ, еще каменная просвира изглодана; наконецъ прикатился клубочикъ къ избушкѣ. Она постучалась: «добрые хозяева! укройте отъ темной ночи красну дѣвицу.»—Милости просимъ! отвѣчаетъ старушка; куда идешь, красная дѣвица?»—Ищу, бабушка, Финиста-ясна сокола. «Далеко-жъ тебѣ искать будетъ!» Поутру даетъ ей старушка серебряное блюдо и золотое ячико, и посылаетъ къ своей старшей сестрѣ: «она де знаетъ, гдѣ найдти Финиста-ясна сокола!» Простилась красна дѣвица со старухой и пошла въ путь-дорогу; шла-шла, третья пара башмаковъ истоптана, третій посохъ изломанъ и послѣдняя просвира изглодана—прикатился клубочикъ къ избушкѣ. Стучится и говоритъ странница: «добрые хозяева! укройте отъ темной ночи красну дѣвицу.» Опять вышла старушка: «поди, голубушка! милости просимъ! откуда идешь и куда путь держишь?»—Ищу, бабушка, Финиста-ясна сокола. «Охъ, трудно трудно отыскать его! онъ живетъ теперь въ эдакомъ-то городѣ, на просвириной дочери тамъ женился.» На утро говоритъ старуха красной дѣвицѣ: «вотъ тебѣ подарокъ: золотое пялечко да иглочка; ты только пялечко держи, а иглочка сама вышивать будетъ. Ну, теперь ступай съ Богомъ и наймись къ просвири въ работницы.»

Сказано—сдѣлано. Пришла красная дѣвица на просвириный дворъ и нанялась въ работницы; дѣло у ней такъ и кипитъ подъ руками: и печку топить, и воду носить, и обѣдъ готовить. Просвирия смотритъ да радуется: «слава Богу! говоритъ своей дочкѣ, нажили себѣ работницу и услужливую и добрую: безъ наряду все дѣлаетъ!» А красная дѣвица, покончивъ съ

хозяйскими работами, взяла серебряное донце, золотое веретёнце, и съела прятать: прядеть — изъ кудели нитка тамется, нитка не простая, а чистаго золота. Увидала это просвирина дочь: «ахъ, красная дѣвица! не продашь ли мнѣ свою забаву?» — Пожалуй, продамъ! «А какая цѣна?» — Позволь съ твоимъ мужемъ ночь перебыть. Просвирина дочь согласилась; «не бѣда! думаетъ; вѣдь мужа можно соннымъ зельемъ опонть, а чрезъ это веретёнце мы съ матушкой золотимся!» А Финиста-ясна сокола дома не было; цѣлой день гулялъ по поднебесью, только къ вечеру воротился. Съелъ ужинать; красная дѣвица подаетъ на столъ кушанья, да все на него смотритъ, а онъ добрый молодецъ и не узнаётъ ея. Просвирина дочь подмѣшала Финисту-ясну соколу соннаго зелья въ питье, уложила его спать, и говоритъ работницѣ: «ступай къ нему въ горницу да мухъ отгоняй!» Вотъ красная дѣвица отгоняетъ мухъ, а сама слезно плачетъ: «проснись-пробудись, Финистъ-ясный соколъ! я красна дѣвица къ тебѣ пришла; три чугунныхъ посоха изломала, три пары башмаковъ желѣзныхъ истоптала, три просвиры каменныхъ изглодала, да все тебя милаго искала!» А Финистъ спитъ, ничего не чувствуетъ; такъ и ночь прошла. На другой день работница взяла серебряное блюдечко и катаетъ по немъ золотымъ яичкомъ: много золотыхъ яицъ накатала! Увидала просвирина дочь: «продай, говоритъ, мнѣ свою забаву!» — Пожалуй, купи. «А какъ цѣна?» — Позволь съ твоимъ мужемъ еще одну ночь перебыть. «Хорошо, я согласна!» А Финистъ-ясный соколъ опять цѣлой день гулялъ по поднебесью, домой прилетѣлъ только къ вечеру. Съелъ ужинать; красная дѣвица подаетъ кушанья, да все на него смотритъ, а онъ словно никогда и не знавалъ ея. Опять просвирина дочь опонла его соннымъ зельемъ, уложила спать и послала работницу мухъ отгонять. И на этотъ разъ какъ ни плакала, какъ ни будила его красная дѣвица,

онъ проспалъ до утра и ничего не слышалъ. На третій день сидитъ красная дѣвица, держитъ въ рукахъ золотое пялечко, а иголочка сама вышиваетъ — да такіе узоры чудные! Заглядѣлась просвирина дочка: «продай, красна дѣвица! продай, говоришь, мнѣ свою забаву!» — Пожалуй, купи! «А какъ цѣна?» — Позволь съ твоимъ мужемъ третью ночь перебыть. «Хорошо, я согласна!» Вечеромъ прилетѣлъ Финисть-ясный соколъ; жена опомла его соннымъ зельемъ, уложила спать, и посылаетъ работницу мухъ отгонять. Вотъ красная дѣвица мухъ отгоняетъ, а сама слезно причитываетъ: «проснись-пробудись, Финисть-ясный соколъ! я красна дѣвица къ тебѣ пришла; три чугунныхъ посоха изломала, три пары желѣзныхъ башмаковъ истоптала, три каменныхъ просвиры изглодала — все тебя мнѣ много искала!» А Финисть-ясный соколъ крѣпко спитъ, ничего не чувствуетъ. Долго она плакала, долго будила его; вдругъ упала ему на щеку слеза красной дѣвицы, и онъ въ ту-жъ минуту проснулся: «ахъ, говоритъ, что-то меня обожгло!» — Финисть-ясный соколъ! отвѣчаетъ ему дѣвица, я къ тебѣ пришла; три чугунныхъ посоха изломала, три пары желѣзныхъ башмаковъ истоптала, три каменныхъ просвиры изглодала — все тебя искала! Вотъ ужъ третью ночь надъ тобою стою, а ты спишь — не пробуждаешься, на мои слова не отзывается! Тутъ только узналъ Финисть-ясный соколъ и такъ обрадовался, что сказать нельзя. Сговорились и ушли отъ просвирины. Поутру хватилась просвирина дочь своего мужа: ни его нѣтъ, ни работницы! Стала жаловаться матери; просвирина приказала лошадей заложить и погналась въ погоню. Ъздила-ѣздила, и къ тремъ старухамъ заѣзжала, а Финисть-ясна сокола не дождала: его и слѣдовъ давно не видать!

Очутился Финисть-ясный соколъ со своею суженой возлѣ ея дома родительскаго; ударился о сыру землю и сдѣлался пѣрушкомъ; красная дѣвица взяла его, спрятала за пазуху

и пришла къ отцу. «Ахъ, дочь моя любимая! я думалъ, что тебя и на свѣтѣ нѣтъ; гдѣ была такъ долго?» — Богу ходила молиться. А случилось это какъ разъ около святой недѣли. Вотъ отецъ съ старшими дочерьми собираются къ заутренѣ; «что-жь ты, дочка милая! спрашиваетъ онъ меньшую, собирайся да поѣдемъ: нынче день такой радостной!» — Батюшка! мнѣ надѣть на себя нечего. «Надѣнь наши уборы!» говорятъ старшія сестры. — Ахъ, сестрицы! мнѣ ваши платья не по костю! я лучше дома останусь. Отецъ съ двумя дочерьми уѣхалъ къ заутренѣ; втѣпоры красная дѣвица вынула свое пѣрушко. Оно ударилось объ полъ и сдѣлалось прекраснымъ царевичемъ. Царевичъ свистнулъ въ окошко — сейчасъ явились и платья, и уборы, и карета золотая. Нарядились, сѣли въ карету и поѣхали. Входятъ они въ церковь, становятся впереди всѣхъ; народъ дивится: какой-токой царевичъ съ царевною пожаловалъ! На исходѣ заутрени вышли они раньше всѣхъ и уѣхали домой; карета пропала, платьевъ и уборовъ какъ не бывало, а царевичъ обратился пѣрушкомъ. Воротился и отецъ съ дочерьми. «Ахъ, сестрица! вотъ ты съ нами не ѣздила, а въ церкви былъ прекрасный царевичъ съ ненаглядной царевною.» — Ничего, сестрицы! вы мнѣ рассказали — все равно что сама была. На другой день опять то-же; а на третій, какъ сталъ царевичъ съ красной дѣвицей въ карету садиться, отецъ вышелъ изъ церкви и своими глазами видѣлъ, что карета къ его дому подъѣхала и пропала. Воротился отецъ и сталъ меньшую дочку допрашивать; она и говоритъ: «ничего дѣлать, надо признаться!» Вынула пѣрушко; пѣрушко ударилось объ полъ и обернулось царевичемъ. Тутъ ихъ и обѣнчали, и свадьба была богатая! На той свадьбѣ и я былъ, вино пилъ, по усамъ текло, во рту не было. Надѣли на меня колпакъ, да и ну толкать; надѣли на меня кузовъ: «ты, дѣтинушка, не гузай (не мѣшкай)! убирайся-ка поскорѣй со двора.»

ВОЛШЕБНОЕ ЗЕРКАЛЬЦО.

а. Быу сабе круль съ крулевой и мѣли одну дачку вельми харошую. Послѣ у караля жонка умерла, и бѣнъ ажаниуся съ другою харосшаю ¹⁾, якъ была першая; але дачка атъ першай жонки за ее харосшая. Аднаго разу жонка караля падышла да люстра ²⁾ и пытаецца: «люстро, люстро! чи харошая я?»—Ты харошая, але твая пасербица ³⁾ еще харосшая! атказало ⁴⁾ люстро. Тая крулева казала лакею весци пасербицу на спацырь ⁵⁾, тамъ ее забидь и принеси на тарелцы серцо. Лакей заразь павѣу кралеуну на спацырь, сказау ей усѣ, што казала крулева, и намѣсто ⁶⁾ кралеуны забну сабаку, выинау серцо, и палажнуши на тарелку, аднѣсь да крулевой; а крулеунѣ сказау, кабъ яна ишла, куды сабѣ хоче. Крулева вельми была рада, што страццла сваю пасербицу атъ себе харосшую; а кралеуна, разстаушыся з'лакеемъ, пашла туды, куды панясудь очн. Идзе яна, дакъ идзе — ажъ у лѣсь станицъ палаць ⁷⁾, ажъ тамъ у усѣхъ пакоихъ паприбирано и никого нима. Яна хадзила па томъ палацы, хадзила, ажъ прѣйждаюць дванадцаць мушницъ; а тые мушцины были дванадцаць братоу каралевицу, каторые жили у лѣтнѣмъ палацы. Хадзили яны по уснѣхъ пакоихъ, ажъ у адномъ у самомъ астатнемъ знашли панну. Разглядѣуши ее, кажды з'ней захадѣу жаницца; але якъ не магли пагадзицца ⁸⁾, то узали ее сабѣ за сестру и вельми уважали. Тая крулева была пеуная ⁹⁾, што пасербицы нима; але аднаго раза, презъ цакавосць ¹⁰⁾,

¹⁾ На другой лучшей. — ²⁾ Къ зеркалу. — ³⁾ Подчерца. — ⁴⁾ Отвѣчало. — ⁵⁾ Гулянье. — ⁶⁾ Намѣсто. — ⁷⁾ Дворецъ. — ⁸⁾ Согласиться. — ⁹⁾ Увѣрена. — ¹⁰⁾ *Ciekawość* — любопытство (Польско-росс. словарь Миллера, ч. 1, стр. 60).

надышла да люстра и запыталася: «люстро, люстро! чи харошая я?» — Ты харошая, але твая пасербица еще харосшая — у дванадцати братоу каралевичау. Крулева казала привесци да себе бабу-чарауницу, и дауши ей много грошей, сказала: «глядзи ты мнѣ, кабы пасербицы маёй у три дни не было!» — Добре! сказала чарауница, перебралася за крамарку ¹⁾ и пошла. Приходзѣць да таго палацу, гдѣ жыла кралеуна, ажъ тамъ никого болѣй не застала — тольки адуу кралеуну, сѣдзѣшую падъ акномъ. Кралеуна, убачиуши бабу, казала заразъ ее да себе привесци и стала разпытывацца: аткуль яна? «Я хаджу па свѣцѣ, кабъ што-нибудь зарабиць; я крамарка и маю да проданья иголки, шпильки, персеѣнкі и другіе товары.» — Ну, пакажи! сказала кралеуна. Таа баба зачала паказваць персеѣнкі, и кралеуна адзинъ упадабала ²⁾, заплацила болѣй — кольки баба хаѣла, и атправила ее. Доуго перебирала кралеуна той персеѣнакъ, а послѣ улажила на палець. Якъ улажила, такъ зрабилася неживою. Папріѣжджали браты съ палеваия ³⁾ и заразъ пабѣгли витѣцца ⁴⁾ съ сестрою. Входзиць у ее пакой — ажъ яна ляжиць неживая. Плакали браты, плакали, а послѣ зачали разбираць, кабъ улажиць другое адзене ⁵⁾; тольки што яны зачали разбираць, ажъ адзинъ знау персеѣнакъ; якъ знау персеѣнакъ, дакъ кралеуна ажгла и устауши сказала: «якъ я смачно спала!» — Ты не спала, але была неживая; тебе нѣхто ачаравау, сказали браца. «Гето, муслыць ⁶⁾, баба, у каторай я купила персеѣнакъ, мене ачаравала.» Браты, на други дзень выѣжджаючы, приказали, кабъ никого да палацу не упуцаць. — Крулева зноу пришла да люстра пытацца, и тое такъ сѣмо атказало, што ты харошая, а твая пасербица еще харосшая. Заразъ паслала круле-

¹⁾ Переодѣлась торговкою. — ²⁾ Королевицѣ однаъ понравилася. — ³⁾ Съ охоты. — ⁴⁾ Прислѣствовать. — ⁵⁾ Надѣть другое платье. — ⁶⁾ Можетъ быть.

ва па тую чарауницу и приказала ей канечне страціць сь святу пасербицу. Тая баба перабралася за неборачку ¹⁾ и пашла да палацу, гдзё жила кралеуна. Падышла падь акно кралеуны и стала гавариць пацары ²⁾. Кралеуна, пачууши, казала вынесці три гроши и атправіць бабу. Лакей, каторы выносу гроши бабё, быу адё ее загоджены ³⁾ и падняуся ваткнуць шпильку, каторую дала баба. Той лакей аднаго дня, вымятаючи, нібыто знашоу шпильку, панёсь ее да кралеуны и аддау. Кралеуна думала, што гето шпилька ее, узала-улажила у галаву. Якъ тольки улажила, дакъ и зрабилася неживою. Браты, пріѣхауши, пашли да ее пакою и тамъ знашли ее неживою; зачали разбѣраць, и кралеуна не ажила. Яны зрабили для нее сребную труну ⁴⁾, завезли у нѣяки лѣсь и тамъ павѣсили на адномъ дзеревѣ.

Крулева, убираючися, вноу запыталася у люстра: чи харошая яна? И люстро атказало, што ты найхарошая у цѣлымъ свѣцѣ. Крулева была вельми рада, што нима нікого, хто бы за ее быу хароши. Аднаго дня у томъ лѣсѣ, гдзё висѣла у трунѣ кралеуна, палявау нѣяки кралевиць здалёка. Сабаки кралевица якъ загналися за зайцамъ, дакъ ажъ да той труны, гдзё висѣла кралеуна. Кралевиць палецѣу конно ⁵⁾ за сабаками. Сабаки кинули зайца и зачали удаць ⁶⁾ на дзерево у-гдору ⁷⁾, гдзё висѣла труна. Кралевиць, зазловаушися ⁸⁾ на сабакъ за тое, што кинули зайца, палецѣу ихъ биць; але якъ падѣхау, дакъ бля(е)скъ у вочи яму ударну. Ёнъ глянуу у-гдору и убачну сребную труну; ёнъ заразь пакликау людзей и казау тую труну зняць, улажиць на возъ ⁹⁾ и вязці да дому, и тамъ паставіць у яго пакон — такъ, кабъ нікто не

¹⁾ Нищенкою. — ²⁾ Расіегз — молитва Господня: Отче нашъ, и вообще молитва (Польско-рос. словарь, ч. 2, стр. 2). — ³⁾ Подговорены. — ⁴⁾ Серебряной гробъ. — ⁵⁾ На коню. — ⁶⁾ Лаять. — ⁷⁾ Вверхъ. — ⁸⁾ Озлобившись. — ⁹⁾ На телегу.

бачну. Людзи кралевича заразь зняли труну, адвезли да дому кралевича и паставили у яго пакоі. На други дзень и самъ кралевичъ пріѣхау да дому, заразь пришоу да свайго пакою, адчинну ¹⁾ труну и тамъ убачиу вельми харошую панну, и такъ у ней закахася ²⁾, што нікуды не выходзіу. Родзіцы ³⁾ кралевича самы не вѣдали, што рабіць, што такі сынъ нудны ⁴⁾ и ніякъ не пуцяя нікого да свайго пакою. Аднаго дня ёнъ сядзѣу у сваёмъ пакоі, а послѣ узну-зніу верхъ адъ труны и зачау выбираць шпилькі з'галавы и утыкаць у свой сурдуть ⁵⁾; и якъ выніу адну шпильку, дакъ панна и ажила. Ёнъ зачау ея абнімаць и зачау разпытвацца, што з'нею было? Яна расказала кралевичу абъ усемъ и также ягò палюбила. Яны сядзѣли у сваёмъ пакоі цѣлыі дзень, а назаўтра пашли да радзіцау, кабъ ихъ благославіли. Пришоуши туды, яны расказали абъ усемъ, и радзіцы вельми были рады, што сынъ развеселюся, и ихъ поблагославіли. У недзѣлю ⁶⁾ было веселѣ ⁷⁾, а па веселі паѣхали да бацька кралеуны. Пріѣхауши да бацька, дачкѣ расказала абъ усемъ: якъ ея мачиха хацѣла страціць съ свѣту, якъ яна была у дванадцати кралевичау, а послѣ якъ ея знашоу кралевичъ и якъ яны пожаніліся. Бацько хацѣу сваю жонку разцягнуць на жалѣзныя бороны, але дачкѣ не пазволила. Назаўтра быу балъ, на котаромъ были и тые дванадцать кралевичау; и я тамъ быу, мѣдзьвіно пну, па барадзѣ цекло, а у роцѣ не было.

(Записана старшимъ учителемъ новогрудскаго дворянскаго училища М. Дмитриевымъ.)

¹⁾ Отворилъ. — ²⁾ Влюбился. — ³⁾ Родители. — ⁴⁾ Случной, печальной. — ⁵⁾ Суртукъ, каштанъ. — ⁶⁾ Воскресенье. — ⁷⁾ Свадьба.

в. Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ купецъ-вдовець; у него были сынъ да дочь, да родной братъ.... Въ одно время собирается этотъ купецъ въ чужія земли ѣхать, разные товары закупать, беретъ съ собой сына, а дома оставляетъ дочку; призываетъ онъ своего брата и говоритъ ему: «препоручаю тебѣ, любезной братецъ, весь мой домъ и хозяйство, и усердно прошу: присматривай построже за моею дочкою, учи ее грамотѣ, а баловать не позволяй!» Послеъ того простился купецъ съ братомъ и съ дочерью и отправился въ путь. А купеческая дочь была ужь на возрастѣ и такой красоты неописанной, что хоть цѣлой свѣтъ изойди, а другой подобной не сыщешь! Пришла дядѣ нечистая дума въ голову, не даетъ ему ни днемъ, ни ночью покоя; сталъ онъ приставать къ красной дѣвицѣ: или, говоритъ, грѣхъ со мною сотвори, или тебѣ на свѣтѣ не жить; и самъ пропаду, и тебя убью!... Пошла какъ-то дѣвица въ баню, дяда за нею — только въ дверь, она хватъ полной тазъ кипятку и окатила его съ головы до ногъ. Три недѣли провалялся онъ, еле выздоровѣлъ; страшная ненависть грызетъ ему сердце, и началъ онъ думать: какъ-бы отмѣять эту насмѣшку? Думалъ-думалъ, взялъ да и написалъ къ своему брату письмо: твоя же дочь худыми дѣлами занимается, по чужимъ дворамъ таскается, дома не ночуетъ и меня не слушаетъ. Получилъ купецъ это письмо, прочиталъ и сильно разгнѣвался; говоритъ сыну: «вотъ твоя сестра весь домъ опозорила! не хочужь ее миловать: поѣзжай сію минуту назадъ, взруби негодницу на мелкія части и на этомъ ножѣ привези ея сердце. Пусть добрые люди не смѣются съ нашего рода-племени!» Сынъ взялъ острый ножъ и поѣхалъ домой; пріѣхалъ въ свой родной городъ потихоньку, никому не сказывався, и началъ по сторонамъ развѣдывать: какъ живетъ такая-то купеческая дочь? Всѣ въ одинъ голосъ хвалятъ ее-не нахвалятся: и тиха то, и скром-